

М. В. КИРЧАНОВ

«ПОЛИТИКА ПРОШЛОГО» В СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ, ИЛИ КАК СМИ И ПУБЛИЧНЫЕ ПОЛИТИКИ ФОРМИРУЮТ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ

Автор анализирует проблемы исторической политики в современной Грузии. Предполагается, что историческая политика содействует маргинализации профессионального исторического сообщества, политизации и идеологизации исследований. Историческая политика в Грузии базируется на развитии нескольких мифологизированных нарративов, включая образы Грузинской Демократической Республики, преемственности в развитии разных исторических форм грузинской государственности, советской оккупации. День советской оккупации и Музей советской оккупации, с одной стороны, в современной Грузии являются формами инструментализации исторической политики. С другой стороны, День советской оккупации и Музей советской оккупации могут быть вообразены как изобретенные традиции. Грузинские СМИ активно вовлечены в реализацию исторической политики, содействуя унификации различных форм исторической памяти в современной Грузии. Публичные политики также очень активны в использовании исторических фактов для легитимации современных политических процессов и состояний. СМИ, гражданское общество, интеллектуальные сообщества и политический класс поддерживают консенсус относительно центральных проблем современной грузинской истории.

Ключевые слова: Грузия, историография, историческая политика, идентичность, изобретение традиций

На протяжении XIX–XX столетий, связанных с универсализацией нации-государства, историки играли значительную роль в развитии национализма¹. Комментируя это предназначение историографии, Энтони Смит, с одной стороны, отмечал, что «историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты»². С другой, он предполагал и то, что «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования»³, но лучшие времена для изучения этих связей, вероятно, прошли, так как современные политические процессы актуализируют в большей степени манипулятивную функцию истории в контексте исторической политики, политики памяти и проработки прошлого, вынуждая исследования, сфокусированные на отношениях историков с нацио-

¹ О национализме в теоретическом плане см.: გელბერი 2003; ანდერსონი 2003; სმოთი 2004; ჰეგტერი 2007; ჰობსბაუმი 2012; მორისი 2013.

² Смит 2002. С. 236.

³ Смит 2002. С. 260.

нальными проектами, мигрировать в сферу интеллектуальной истории как тихой гавани, пока не подверженной политизации в контексте актуализации сервиллистских функций историографии.

По мнению немецкой исследовательницы Ю. Шеррер, «в последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты исторической политики (*Geschichtspolitik*), политики прошлого (*Vergangenheitspolitik*), политики идентичности (*Identitätspolitik*) и политики памяти (*Erinnerungspolitik*)»⁴.

В начале XXI века стало очевидно, что в результате политического транзита некоторые европейские общества оказались не в состоянии сформировать единые и унифицированные версии коллективных представлений о прошлом, которые составили бы твердое ядро и основу исторической памяти. Изменения и новые тенденции в отношениях между историей и национализмами⁵ в постсоветских государствах стали заметны в конце 2000-х – начале 2010-х гг., что было связано с политическими и идеологическими переменами, изменениями и трансформациями на постсоветском пространстве. Во второй половине 2000-х гг. российские политические элиты предприняли радикальную попытку пересмотреть ситуацию, сделав ставку на концепт «русского мира», что, разумеется, стало стимулом для ответной реакции в постсоветских странах, где успели у власти укрепиться национальные или национально ориентированные элиты, понимавшие, что внешнеполитические инициативы России направлены преимущественно на решение внутренних задач и чреватые для них потерей власти или сокращением влияния.

В этой ситуации вновь оказалась актуализирована политическая роль истории и исторического знания в развитии и укреплении национальных идентичностей и развитии национализмов, но с той разницей, что потенциала одного национализма, этнического или гражданского, было уже недостаточно для решения тех фактически политических задач, которые правящие элиты ставили перед интеллектуальными сообществами. Трансформация политической ситуации на постсоветском пространстве привела к появлению феномена исторической политики. Историческая политика в этом контексте явление относительно новое. Она была не нужна во времена авторитаризма XX века, когда правящим политическим группам было достаточно цензуры и подавления для того, чтобы направить развитие идентичности и нации в необходимом направлении.

Российский историк А. Миллер полагает, что «историческая политика – вещь ситуативная. Это то, что возникает в определенной, до-

---

⁴ Шеррер 2009.

⁵ Национализму в грузинской историографии посвящена значительная литература. См.: ეთნიკურობა და ნაციონალიზმი 2002; დავითაშვილი 2003; ურუშაძე 2005; ჩხაიძე 2009; სონღულაშვილი 2010.

вольно специфической ситуации»⁶. Грузия в условиях местной, национальной историографической ситуации и «ситуативности» отличалась от других постсоветских стран, так как утратила в 1990-е годы контроль над негрузинскими территориями, сохранив картвельское территориальное ядро современной грузинской государственности.

Манипулятивность исторической политики предопределяет то, что одни моменты и факты могут актуализироваться в рамках различных форм и стратегий проработки прошлого, а другие, наоборот, подвергаться сознательному забыванию и вытеснению. Грузия не оказалась исключением из универсальной логики взаимоотношений исторического знания, национализма и политических устремлений правящих элит. В 2000–2010-е гг. усилиями интеллектуальных сообществ и политического класса Грузии была выработана уникальная модель исторической политики Грузии, которая применяется и на современном этапе. Эта статья является не первой, в которой актуализируются проблемы исторической памяти, исторической политики и взаимосвязи национализма с историографией в грузинском контексте, но, в отличие от более ранних публикаций⁷, она носит в большей степени обобщающий характер.

В центре внимания будут основные направления исторической политики в современном грузинском контексте, формы и механизмы проработки событий прошлого, стратегии изменения исторической памяти в контексте ее секьюритизации, будет показано, как и почему в Грузии, подобно другим постсоветским странам, оказалась востребованной закрытая модель проведения и формирования исторической политики, а либеральные стратегии подверглись маргинализации.

История слишком важна, чтобы оставлять ее историкам: институционализация исторической политики

Единого определения исторической политики в современной историографии не существует, но она уже успела стать раздражающим фактором для профессионального академического сообщества, так как большинство политико-исторических инициатив правящих элит носят явно выраженный популистский характер, что превратило их в предмет исследований историков⁸, вовлеченных в изучение сложных отношений между историей и национализмом. Большинство авторов, которые пишут на эту тему, солидарны в том, что историческая политика представляет собой совокупность интеллектуальных практик в контексте политически, идеологически и государственно санкционированных и стимулируемых манипуляций фактами исторического прошлого с целью легитимации тех или иных политических режимов, пребывания у власти социальных или этнических групп.

---

⁶ Миллер 2014.

⁷ Kirchanov 2010; 2013; Кирчанов 2010; 2014; 2015; 2013.

⁸ См., например: Миллер 2009; Касьянов 2009; Траба 2009.

Предполагается, что впервые историческая политика в ее классических формах стала применяться в Польше (хотя в историографии высказывались ревизионистские точки зрения, основанные на локализации «прародин» исторической политики в культурных и интеллектуальных практиках Латинской Америки⁹), а позднее методы исторической политики оказались восприняты политическими элитами в постсоветских государствах. Историческая политика в постсоветских странах имеет ряд особенностей, которые являются для нее системными. Эти особенности, как полагает российский историк А. Миллер, могут быть сведены к следующему: «создание специальных институтов, призванных насаждать определенные трактовки прошлого, выгодные той или иной политической силе; политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации, манипуляция архивами, разработка и использование новых мер контроля над деятельностью историков»¹⁰.

Две последние особенности, по мнению автора статьи, в грузинской ситуации являются не столь важными в отличие от попыток проработки истории через создание специализированных учреждений и политически мотивированного вмешательства в деятельность СМИ в контексте освещения ими тех или иных исторических событий. Роль специального учреждения, аналогичного польскому и украинскому Институтам национальной памяти, в Грузии играет Музей советской оккупации. Что касается СМИ, то исторический дискурс, представленный на их страницах, несет следы проработки прошлого, форматирования исторической и политической памяти с целью выделения и последующей мифологизации событий, которые претендуют на статус центральных в грузинской истории.

«Грузинская Демократическая Республика» как место памяти и изобретенная традиция

Особое место в современной исторической политике Грузии занимают интеллектуальные практики и стратегии, связанные с развитием образа Грузинской Демократической Республики. Если ранее проблемы, связанные с историей Грузинской Демократической Республики, актуализировались преимущественно академической историографией, в рамках которой, наряду с публикацией источников¹¹, затрагивались вопросы источниковедения¹², а также политической¹³, дипломатической¹⁴, и экономической¹⁵ истории Грузинской Демократической Республики,

⁹ Кирчанов 2016а; 2016б.

¹⁰ Миллер 2011.

¹¹ კვინიტაძე 1998; ჟორდანიას 1990; რამიშვილი 2000.

¹² ჟვანია 1992.

¹³ ჭანტურია 2006; აბუთიძე 1991; კუხალაშვილი 2003; ურუშაძე 1991; ბენდიანიშვილი 2001.

¹⁴ კუხალაშვილი 2002; კირთაძე 1997; ჟვანია 1998; შარაძე 2003.

¹⁵ დღვილაძე 1996.

то в 2010-е гг., в условиях выработки грузинской версии исторической политики и начала сознательной, целенаправленной проработки прошлого, вопросы истории и наследия Грузинской Демократической Республики в контексте перспектив континуитета и дискретности оказались вне поля академической историографии, переместившись в сферу внимания форматоров и теоретиков исторической политики.

В этом контексте академическая историография Грузинской Демократической Республики стала жертвой политических манипуляций. Нарративные образы Грузинской Демократической Республики в современной грузинской исторической памяти тесно связаны с общими представлениями о государственности. По мнению американского историка Дж. Фридмэна, история «пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа... история – конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем»¹⁶. В интеллектуальной ситуации, связанной с изменением общих траекторий и векторов государственного строительства и политического развития, рефлексия грузинских интеллектуалов и политического класса о Грузинской Демократической Республике, как Первой Республике или как первой попытке внедрения в грузинский политический контекст формально демократических институтов, обращение к опыту ГДР является логичным, но это неизбежно создает условия для манипуляции фактами истории, для соответствующей проработки прошлого. Мифичность истории была умело использована грузинскими теоретиками и идеологами исторической политики, которые понимали важность концепта «государственность» для исторической и политической идентичности, что фактически ничем не ограничивало их в проработке в прошлого, особенно того его периода, который оказался связан с Грузинской Демократической Республикой.

История, по мнению ряда авторов, «всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний»¹⁷. Вероятно, именно в силу этого обстоятельства в рамках грузинской политики памяти государственность, с одной стороны, идеализируется, но, с другой, признается наличие крайне незначительного современного политического опыта: «несмотря на внушительную историю государственности, для нас часто бывает трудно признать, что мы имеем очень ограниченный опыт современной государственности. Как известно, современная нация-государство, главным образом, является феноменом XIX века и значительно отличается от феодального государства»¹⁸. Современная историческая политика Грузии направлена на последовательную идеа-

---

¹⁶ Friedman 2001. P. 41, 43.

¹⁷ Куско, Таки 2003. С. 485.

¹⁸ საქართველოსთვის... 2010.

лизацию и мифологизацию Грузинской Демократической Республики, а ее существование воспринимается как «непродолжительный, но славный период грузинской истории»¹⁹, когда Грузия контролировала и территории, потерянные в результате августовских событий 2008 года²⁰, что имеет принципиальное значение в контексте попыток грузинского политического класса и интеллектуального сообщества использовать историю как один из аргументов в стремлении доказать и легитимизировать грузинские исторические права на отторгнутые территории.

Современная грузинская историческая политика, с одной стороны, основана на идеализации Грузинской Демократической Республики, которая воспринимается как «первая страна на периферии Европы, где в 1918 г., начались важные реформы»²¹. С другой стороны, историческая политика основана на актуализации европейских восприятий Грузинской Демократической Республики²², что свидетельствует о стремлении грузинских интеллектуалов картировать Грузию на ментальных воображаемых картах Европы. Кроме того, подчеркивается, что Церковь позитивно отнеслась к независимости²³, что можно воспринимать как попытку интегрировать религиозные нарративы в современные стратегии проработки прошлого и формирования исторической памяти, а это немаловажно, если принять во внимание ту роль, которая принадлежит Церкви в современном грузинском обществе²⁴.

Публичные грузинские политики стали активными участниками исторической политики памяти и периодически актуализируют проблемы исторического и политического наследия Грузинской Демократической Республики. Тенденция включения политиков в число форматоров исторической политики и интерпретаторов исторических событий универсальна, так как «власти неоднократно искали в новой версии прошлого легитимизации своих начинаний. Новая версия истории должна была воспитывать общество в духе восхищения перед властью и одобрения её действий, а совершенство правителей должна была доказывать усовершенствованная версия истории»²⁵. Грузинская ситуация отличается значительным диапазоном мнений относительно прошлого, авторство которых принадлежит политикам самого разного ранга. Тина Хидашели, например, утверждала: «первая грузинская республика была демократическим государством, о котором мечтали многие поколения... даже в условиях оккупации она была эталоном для нас... в двадцатом веке грузинская политическая и военная элита единодушно за-

---

¹⁹ დენის მკვები... 2012.

²⁰ ენმ: ზაქარეიშვილის... 2015.

²¹ ზვიადაური 2013.

²² საქართველო... 2010.

²³ რწმენა და ცრურწმენა 2015

²⁴ Кирчанов 2014a; 2014b; Kirchanov 2014a; 2014b.

²⁵ Михник 2006.

явили, что эта страна – Грузинская Демократическая Республика, которая основана на правах человека, свободе, равенстве»²⁶.

Образы Грузинской Демократической Республики, таким образом, принадлежат к числу системообразующих в современном грузинском историческом дискурсе, а исторический дискурс, по мнению ряда авторов, «нередко призван показать политическую независимость как возвращение к истокам»²⁷. Современная грузинская историческая политика в той ее части, которая касается проработки прошлого в контексте истории ГДР, основана на идее континуитета и дискретного восприятия советского периода. В этой интеллектуальной ситуации представители грузинской политической элиты²⁸ периодически вынуждены актуализировать образы ГДР как центральные и системообразующие для развития грузинской государственности. В историческую политику в Грузии активно вовлечены средства массовой информации, которые принимают активное участие в идеализации политического опыта Первой Республики. Грузинские СМИ развивают нарративы о том, что «26 мая 1918 года Национальный совет объявил о рождении нового мира. Первая Республика была событием, которое имело эпохальное значение»²⁹ потому, что ГДР «имела конституцию, парламентскую систему, свободную прессу, проводила выборы»³⁰. В современной грузинской исторической политике особое внимание уделяется тому, что Конституция 1921 года была очень прогрессивной для своего времени, так как предоставляла право голоса женщинам, отделяла Церковь от государства³¹. Грузинские интеллектуалы предлагают такую модель исторической политики, которая воображает ГДР как первое современное грузинское государство, где возникли необходимые политические институты.

Концепт «советская оккупация» в грузинской исторической политике

Помимо Грузинской Демократической Республики в современной исторической политике Грузии особую роль играют стратегии, направленные на формирование коллективных представлений о советской оккупации. Польский историк Р. Траба полагает, что «когда “пишется” коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях»³². Восприятие проблемы «оккупации» и конкретные стратегии работы с прошлым в этом направлении в современной Грузии актуа-

---

²⁶ ხიდაშელი: ყოველ 26 მაისს... 2016.

²⁷ Ларюэль, Пейруз, 2004. С. 439.

²⁸ პრემიერი: ვალდებულო... 2015.

²⁹ 26 მაისიდან 25 თებერვლამდე 2010.

³⁰ თეორემა: ქართული პოლიტიკური კულტურა 2015.

³¹ საქართველოში 1921 წლის... 2014.

³² Траба 2009. С. 52.

лизируют взаимосвязи и взаимозависимости между академической историографией и политическими манипуляциями историей. Поэтому, наряду с теми нарративами, о которых речь шла выше, историческая политика в современной Грузии построена на отторжении российского и советского исторического и политического опыта, который описывается в категориях империи, наделяемой негативными политическими качествами. Грузия, как и другие постсоветские страны, переживала процесс «деимпериализации», определенный З.Е. Когутом как «приспособление исторических схем и интеллектуальных концепций к факту распада империи»³³. В этом контексте грузинским интеллектуалам, вероятно, было несколько легче, так как распад СССР позволил актуализировать историю собственной государственной традиции как альтернативы воображаемой «советской империи». Крах коммунизма в Грузии «представлял собой дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов»³⁴, а самым неофициальным и опасным в советский период был нарратив об оккупации Грузии Советской Россией. При этом грузинскими авторами признается, что «советское наследие имеет глубокие корни в Грузии»³⁵.

Для грузинской исторической политики характерен антиимперский нарратив, грузинские СМИ, привлеченные к проработке исторической памяти, не упускают случая упомянуть, что «первая мировая война положила конец существованию Российской Империи», которая не смогла пережить конкуренции с «центробежными силами национализма»³⁶. В рамках стратегии деимпериализации формируется непривлекательный образ России, основанный на вспоминании преимущественно негативных моментов российской истории в кавказском контексте³⁷, как страны склонной к агрессивной внешней политике, территориальному ревизионизму³⁸ и ответственной за депортации и принудительные миграции населения, которое не принимало политику Российской Империи. В этом контексте грузинская историческая политика актуализирует проблемы деимпериализации интеллектуального пространства.

Комментируя подобные процессы, А. Миллер подчеркнул, что «тема империи – это прежде всего про реальную политику, это про то, как реально устроена история. И если мы шарахаемся в одну сторону – империя только плохая, ничего хорошего там не было, – то мы входим в состояние полной энтропии»³⁹. В подобной ситуации совершенно естественно, что в грузинской исторической политике негативные совре-

---

³³ Когут 2004. С. 218.

³⁴ Аўтუჯიტ, რეი 2006. С. 29.

³⁵ ისტორია, რომელიც... 2010.

³⁶ 26 მაისიდან 25 თებერვლამდე 2010.

³⁷ ომი დასასრულის გარეშე, 2012.

³⁸ გელავა, 2014.

³⁹ Европейские войны памяти... 2015.

менные стереотипы активно транслируются на факты прорабатываемого и воображаемого прошлого. Одним из центральных нарративов в стратегии работы с прошлым в Грузии стала идея, что в 1921 г. Советская Россия напала на Грузию⁴⁰, а Российская Федерация, как преемник СССР, незаконно занимает грузинские территории, что «с 1921 по 1954 год было расстреляно 200 тысяч человек... Грузия с ее населением в три миллиона потеряла десятую часть населения»⁴¹.

Стратегии инструментализации «большого нарратива» – 1: День советской оккупации

В рамках современной исторической политики в Грузии развивается культ Дня советской оккупации (25 февраля), которому придается сакральное и символическое значение в контексте тех потерь и жертв, которые понесла грузинская государственность. Первые меры грузинской исторической политики в отношении советского периода были предприняты в 2010 г., когда Парламент Грузии принял постановление «О советской оккупации». «Постановление» декларировало, что начиная «с 26 мая 1918 года после восстановления суверенитета Грузинской Демократической Республики Советская Россия начала деятельность, направленную на оккупацию и установление советской власти в стране, для чего делалось следующее: с января 1921 года Советская Россия нарушала Московское соглашение от 7 мая 1920 года, в котором безоговорочно была признана независимость Грузии, ее суверенитет и невмешательство во внутренние дела; 25 февраля 1921 года Красная Армия России захватила Тбилиси и свергла правительство Грузии, которое было избрано на основе свободных и всеобщих выборов, в результате чего субъект международного права – демократическая республика – был подвергнут аннексии... С 1991 г., после восстановления независимости и распада Советского Союза как советской империи – Российская Федерация до сих пор не признает факт оккупации... В 1990-е гг. РФ спонсировала вооруженные конфликты на территории Грузии, при ее поддержке и непосредственном участии были проведены этнические чистки в Автономной Республике Абхазия и бывшей Юго-Осетинской автономной области... в силу того, что Россия не приемлет демократическое развитие, она не прекратила военное вмешательство в 2008 г., когда Автономная Республика Абхазия и бывшая Юго-Осетинская автономная область были подвергнуты оккупации и второй волне этнической чистки. 25 февраля является днем аннексии и оккупации поскольку Россия продолжает оккупировать часть грузинской территории. Поэтому Парламент Грузии объявляет 25 февраля как День советской оккупации»⁴².

⁴⁰ ისტორიის ორი... 2010.

⁴¹ საქართველოსთვის წართმეული... 2010.

⁴² საქართველოს პარლამენტის დადგენილება. «საქართველოს საბჭოთა ოკუპაციის შესახებ» 21/07/2010

День советской оккупации в современной исторической политике представляет собой попытку инструментализации концептов «Грузинская Демократическая Республика» и «советская оккупация» как изобретенных традиций. 25 февраля в современной грузинской исторической памяти фигурирует как «один из самых трагических дней»⁴³ в истории Грузии. В формировании коллективных представлений о 25 февраля активно участвуют и высшие государственные лица. А. Миллер полагает, что «о политизации истории можно говорить и в том случае, когда политики используют «исторические» аргументы в своих выступлениях. Это явление также распространено повсеместно и, по всей видимости, неистребимо»⁴⁴. Например, президент Грузии 25 февраля 2014 года выступил с заявлением, в котором подчеркивалось: «мы пришли сегодня сюда, чтобы с грустью почтить память тех, кто в нашей стране боролись за независимость... это – пример мужества и проявление способности постоянно защищать нашу маленькую страну перед лицом мощной агрессивной империи, которая исторически постоянно нападала»⁴⁵. Спустя два года премьер-министр Гиорги Квирикашвили, комментируя роль Дня оккупации, определил другой вектор исторической политики в Грузии, связанный с одновременной актуализацией роли жертвы и страны-победителя, которая смогла сохранить независимость в условиях европейского выбора, сделанного ее политическими элитами: «сегодня День советской оккупации... день, когда многие проявили героизм... и хотя эта борьба привела к потерям, сейчас мы обладаем суверенитетом... сегодня развивается грузинский флаг, и мы можем принимать наши решения»⁴⁶. День советской оккупации в инструментарии грузинской исторической политики имеет преимущественно политико-идеологические коннотации и связан с гражданским национализмом.

Историческая политика в современной Грузии предлагает и формирует националистический дискурс, но этот национализм является преимущественно гражданским, что актуализирует значительный потенциал грузинского общества, которое не допустило этнизации исторической политики. В этом контексте 25 февраля в исторической политике Грузии воображается как изобретенная традиция, которая призвана актуализировать измерения жертвенности грузинской национальной истории. Грузинские СМИ, которые активно принимают участие в формировании исторической памяти, культивируют нарративы, согласно которым 25 февраля 1921 г. стало днем, когда «советская армия вторглась в независимую и свободную Грузию»⁴⁷, что привело к потере неза-

⁴³ პარლამენტის ყოფილ... 2014.

⁴⁴ Миллер, 2009. С. 7.

⁴⁵ პრეზიდენტი: სამშობლოს... 2014.

⁴⁶ პრემიერი: საქართველოს სუვერენიტეტის... 2016.

⁴⁷ გასაბჭოების დღესთან... 2014.

висимости, актуализировав тем самым дискретный характер развития современной грузинской государственности.

Стратегии инструментализации «большого нарратива» – 2: Музей советской оккупации

Второй формой инструментализации коллективных представлений следует признать попытки локализации исторической памяти о советском прошлом в форме институционализации Музея советской оккупации как реального и символического «места памяти», которому в проработке прошлого отводится задача актуализации как нарратива («советская оккупация»), так и события («День советской оккупации»). Развитие исторической памяти в форме ее музеификации протекает одновременно с академическими студиями⁴⁸ советского периода в истории Грузии, выдержанными в рамках воображения и изобретения пространства.

Особое внимание уделялось актуализации в исторической и политической памяти моментов невинных жертв⁴⁹, которые понесла грузинская нация в советский период. К началу XXI в. традиционная историография, основанная на воспроизводстве исторической памяти в форме текстов, вероятно, перестала удовлетворять политические элиты, что привело к утверждению новых форм проработки прошлого, одной из которых и стало создание Музея советской оккупации в рамках сознательно проводимой исторической политики. Музей советской оккупации был открыт 26 мая 2006 года. Формирование экспозиции, посвященной советской Грузии, было проведено в форме почти механической замены одних экспонатов другими, что привело к упрощенной ревизии более ранних подходов к музеификации прошлого.

В связи с этим грузинский историк Иване Ментешашвили подчеркивает: «я думаю, что наступит день, когда в этом зале будут выставлены обе экспозиции, показывающие обе стороны недавнего прошлого Грузии. Однако я далек от мысли, что это произойдет в ближайшем будущем. Тема репрессий и угнетения в советской Грузии так долго была табуирована, что сейчас есть огромный спрос на скрывавшуюся тогда правду. Когда-нибудь общество пресытится таким подходом, и выставка станет более, если можно так сказать, сбалансированной. Но пока она актуальна и востребована»⁵⁰. В постоянной экспозиции музея, включающей экспонаты периода Грузинской ССР, начиная с этапа советизации, особое внимание уделено антисоветскому национальному освободительному движению⁵¹. Значительная часть экспонатов актуализирует проблемы, связанные с советскими политическими репрессиями.

⁴⁸ ტერორის ტოპოგრაფია... 2011.

⁴⁹ ბეთანელი 1989; ხარზილავა 1989; ლიპარტელიანი 1990; მგალობლიძევილი 1990; ყენია 1990; დაუშვილი 1997; კუჭავა 1996; მჭედლოური 1992; ჩხეიძე 1995; გვარიშვილი 1998; კვერენჩილაძე 1999; კირთაძე 1998; შონია 1994.

⁵⁰ Кирградзе 2013.

⁵¹ საქართველოს ეროვნულ... 2006.

Музей советской оккупации содействует и визуализации истории. Визуальный ряд представлен фото и видеодокументами, относящимися к советскому периоду истории Грузии. Музей советской оккупации использует различные интеллектуальные и культурные тактики и стратегии для фиксации и коммеморации опыта Грузии в условиях существования авторитарного режима. В рамках проводимой Музеем проработки исторического прошлого выделяется «большевистская оккупация» (ბოლშევიკური ოკუპაციის) Грузинской Демократической Республики (февраль – март 1921 года) и «советский оккупационный режим» (საბჭოთა საოკუპაციო რეჟიმის, 1921–1991)⁵².

Мнения грузинского общества относительно создания и деятельности Музея оккупации разделились. Например, в 2012 г. министр культуры Юрий Мечитов указывал, что корректнее будет изменить название музея, которое ему казалось «абсурдным»⁵³, но при этом подчеркивал, что в советский период «Грузия не была свободной страной»⁵⁴. Музей советской оккупации стал попыткой локализации исторической памяти в городском пространстве современного Тбилиси, показать, что Музей оккупации обычен и нормален в такой же степени, как, например, Этнографический музей или любое другое специализированное культурное учреждение, предназначенное для музеификации памяти и ее экспонирования. Создание этого специализированного музея свидетельствует о попытке политических и интеллектуальных элит укоренить и легитимизировать концепт «оккупация» в грузинской исторической памяти как в территориально-географическом, локальном, так и идентичностном измерении. Музеификация оккупации в рамках современной исторической политики призвана традиционализировать этот аспект в грузинской идентичности, интегрировав его в историческую память.

Предварительные выводы

Подводя итоги, нужно принять во внимание ряд факторов, связанных с развитием исторической политики в Грузии. Генетически стратегии современной грузинской исторической политики связаны с более ранними советскими формами и тактиками работы с прошлым и исторической памятью, хотя историческая политика как явление в советский период не получила развития, так как ее функции выполняла развитая системы цензуры и идеологического контроля над историографией. Историческая политика в постсоветской Грузии унаследовала почти все родовые травмы постсоветской грузинской историографии, в частности – этноцентричные доминанты в историографии.

В такой ситуации история в постсоветской Грузии развивалась почти исключительно как история Грузии с некоторым вкраплением в во-

⁵² საბჭოთა ოკუპაციის მუზეუმი... 2012.

⁵³ მეჩითოვი 2012a.

⁵⁴ მეჩითოვი 2012b.

ображаемый и изобретаемый исторический грузинский процесс негрузинских элементов, несмотря на то, что политические элиты Грузии в начале 1990-х гг. утратили контроль над негрузинскими – осетинскими и абхазскими – территориями. Историческая политика в Грузии 2000–2010-х гг. развивается в условиях частично формального и отчасти неформального консенсуса между политическими классами и интеллектуальными сообществами, которые достигли компромисса и тщательно пытаются поддерживать согласие по принципиальным проблемам грузинской истории и современности. Историческая политика, в отличие от традиционных отношений «история – национализм» имеет дело преимущественно не с нациями и идентичностями, столь активно конструируемыми традиционными, ортодоксальными националистами, но различными формами и версиями исторических и политических памятей, которые характерны для тех или иных государств, сообществ или групп.

В этом плане современная историческая политика в Грузии очень отличается от более ранних форм и модуса сосуществования и софункционирования между историей и национализмом, которые были отношениями в значительной степени идеальными или идеализированными, почти романтическими: общество в лице представлявших его политиков, формировавших национальный правящий класс или национальную партийную бюрократию, артикулировало свой запрос на ту или иную историю, а профессиональное историческое сообщество такую историю для того или иного общества писало, а позднее и тиражировало через среднюю и высшую школу. Историческая же политика, наоборот, сводит роль профессионального исторического сообщества к минимуму, делая его почти ненужным, поскольку историческое знание в современном мире нередко артикулируется не профессиональными историками, а профессиональными политиками, которые считают, что история настолько важна, что допускать к ней историков не только не имеет смысла, но и нецелесообразно, и даже небезопасно.

Историческая политика вносит изменения в то, что не успели завершить, или, по мнению современников, сделали не так, как было нужно, националисты, политические группы и историки прошлых лет. Историческая политика не только создает памяти, она инициирует их ревизию, внося коррективы в устоявшиеся представления общества о его прошлом, которое описывается, конструируется и воображается в категориях национальной истории. Историческая политика переструктурирует памяти, обучая и вынуждая сначала образованные классы, а позднее и общество в целом, иначе понимать, воспринимать и воображать историю. Историческая политика предлагает не историю, и тем более не множественные или альтернативные, истории; она освобождает общество от необходимости иметь историю в ее традиционном позитивистском линейно-событийном восприятии.

Историческая политика предлагает коллективные представления об истории, которые могут имитировать формы академического историописания, интегрированные в официальный политический и идеологический дискурс. Среди центральных моментов исторической повестки дня – идея наличия великой грузинской государственности, отрицательное восприятие периода российского доминирования, исторический позитивный миф о Грузинской Демократической Республике, идея о негативной роли советизации Грузии, позитивный миф о национальном движении. К этим историческим мифам добавляются и политические, связанные с воображением и изобретением Абхазии и Южной Осетии в грузинском историческом контексте, неприятие их потери, культивирование идеи о российской оккупации и «оккупированных территориях». Работа с исторической памятью, политическая проработка прошлого составляют историографическую повестку дня в современной Грузии.

Выбор этих общественно значимых тем привел к тому, что грузинские политические элиты сделали выбор в пользу закрытой модели работы с памятью, актуализируя функцию секьюритизации в контексте проведения исторической политики. Выбор именно закрытой модели обусловлен событиями 2008 года, потерей осетинских и абхазских территорий, что можно воспринимать как историческую и политическую травму современной грузинской идентичности. В этой ситуации историческая политика и современные попытки проработки прошлого в Грузии призваны выполнять несколько функций, а именно – формировать и предлагать политически и идеологически безопасные модели национальной истории, которые не травмировали бы общество и память, но, наоборот, содействовали бы его консолидации, противопоставляя грузинскую историю историям других сообществ, воспринимаемых как политические и исторические конкуренты и противники.

Эта модель исторической политики, основанная на секьюритизации памяти, конечно, является чрезвычайно удобной в силу своего значительного адаптивного потенциала для правящих политических элит, но она фактически ограничивает возможности для интеллектуального маневра современного грузинского исторического сообщества. Восприятие национальной истории в версии исторической политики, основанной на секьюритизации памяти, фактически помещает ее, с одной стороны, в прокрустово ложе истории, написанной в этнической системе координат, а с другой – содействует редукции национальной истории Грузии до истории национальных травм и катастроф, связанными с кризисами и крахами исторических форм грузинской государственности, советизацией Грузии в начале 1920-х гг., территориальными потерями 1990-х и их институционализацией в 2008 г.

Тактика написания истории как истории жертвы, конечно, является эффективной и действенной, но вопрос состоит в том, как долго грузин-

ское историческое сообщество будет воспринимать эту модель исторического воображения как приемлемую. Историческая политика в Грузии отражает и основное противоречие эпохи историографического пост-постмодерна: как соединить преимущественно примордиальные и этноцентричные национальные историографические мифы с фактически доминирующим в современной историографии конструктивистским подходом. Эта проблема представляется актуальной для Грузии в контексте ее евро-атлантического выбора, который влияет и на гуманитарные исследования, в т.ч. на их теоретические и методологические основания. Политические элиты Грузии в своем стремлении предложить компромиссное видение добились того, что современный политический дискурс сочетает этнические картвельские стереотипы с попытками переноса в грузинский исторический и политический контекст представлений об институтах и свободах, явно заимствованных их западного интеллектуального дискурса. В этом контексте перспективы и направления развития и изменения исторической политики в современной Грузии продолжают оставаться как спорными, так и актуальными...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аўтўэйт Ў., Рэй Л. Мадэрнасьць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 27–43.
- Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит. Что такое «историческая политика» и чем опасно превращение истории в политический инструмент // Новая газета. 2015. № 57. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html>
- Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et contra. 2009. – Май – август. С. 24–42.
- Киргадзе Т. Грузия: как пишут учебники истории (2013). URL: http://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia
- Кирчанов М.В. «Европа» и «Запад» в грузинском политическом воображении и националистическом дискурсе // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2010. Т. 13. № 2. С. 179–189.
- Кирчанов М.В. «Кавказское» и «российское» в современном грузинском национализме // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 4. С. 115–125.
- Кирчанов М.В. Концепт «советская оккупация» в современном грузинском национализме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 1. Часть 1. С. 72–75.
- Кирчанов М.В. Мигель Краснофф Марченко как объект чилийской исторической политики и контексты политики памяти // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21). С. 87–96.
- Кирчанов М.В. Образы Грузинской Демократической Республики в современной идентичности Грузии (на примере блогов и электронных СМИ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4. Часть 1. С. 90–92.
- Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты) // Политические изменения в Латинской Америке. 2016. № 3 (21). С. 73–86.
- Кирчанов М.В. Религиозные партии в Грузии: политические платформы и идеологические трансформации // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 2. С. 106–112.

- Кирчанов М.В. Церковь в политической жизни Грузии: проблемы, противоречия, перспективы // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований. 2014. № 1–2. С. 94–100.
- Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004.
- Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *An Imperio*. 2003. № 1. С. 485–495.
- Ларюэль М., Пейруз С. Русские на Алтае: историческая память и национальное самосознание в Казахстане // *Ab Imperio*. 2004. No 1.
- Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // *Беларусіка / Albaruthenica*. Мн., 1997. Т. 6. Ч. 1.
- Миллер А. «Историческая политика уничтожает пространство для диалога» (2014). URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/amiller-istoricheskaya-politika-unichtozhaet-prostranstvo-dlya-dialoga>
- Миллер А. Вызов из прошлого // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>
- Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. «Секьюритизация памяти»: историческая вина в руках политических антрепренеров (2016). URL: <http://gefiter.ru/archive/18391>
- Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 6–23.
- Михник А. Историческая политика: российский вариант // *Родина*. 2006. № 6. URL: http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1906&n=99
- Рифф Д. Культ памяти: когда от истории больше вреда, чем пользы. «Излишняя заикленность на памяти»: о пользе и вреде забвения (2016). URL: <http://gefiter.ru/archive/17958>
- Смит Э.Д. Национализм и историки // *Нации и национализм / пер. с англ.* М., 2002.
- Траба Р. Польские споры об истории // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 43–64.
- Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. No 3.
- Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 89–108.
- Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 531–560.
- Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No. 1. P. 41–58.
- Friedman J. Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. VII. P. 194–210.
- Kirchanov M. “Europe” and “the West” in Georgia’s political imagination and nationalist discourse // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 158–167.
- Kirchanov M. Religious parties in Georgia: political platforms and ideological transformations // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 94–100.
- Kirchanov M. The Caucasian and Russian in contemporary Georgian nationalism // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 101–109.
- Kirchanov M. The Church in Georgia’s political life: problems, contradictions, and prospects // *The Caucasus and Globalization. Journal of Social, Political and Economic Studies*. 2014. Vol. 8. No. 1–2. P. 85–90.
- Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4.

Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thomson // Encounter. 1968. Vol. 30. No. 6.

26 მაისიდან 25 თებერვლამდე // თაბულა. 2010. 24 მაისი.

აბუთიძე ო. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა, 1918–1921 / ო. აბუთიძე. თბილისი, 1991. 148 გვ.

ამირგულაშვილი მ. ნაციონალიზმის თეორია / მ. ამირგულაშვილი / რედ. თენგიზ გრიგოლია. თბილისი: თბილ. ღია სასწავლო უნ-ტის გამ-ბა, 2013. 268 გვ.

ანდერსონი ბ. წარმოსახვითი საზოგადოებანი: მოსაზრებანი ნაც. წარმოშობისა და გავრცელების შესახებ / ინგლ. თარგმნა რუსუდან გოცირიძემ. თბილისი: ენა და კულტურა, 2003. 307 გვ.

ბატიაშვილი ე. გლობალიზმი და ნაციონალიზმი / ე. ბატიაშვილი; რედ. ნაზი ბახტურიძე. თბილისი: ილია მართალზე, 2014. 44 გვ.

ბეთანელი ჯ. განცდილი და გადატანილი: რეპრესირებული ზავშვები 1952 წ. / ჯ. ბეთანელი. თბილისი: მერანი, 1989. 136 გვ.

ბენდიანიშვილი ა. საქართველოს პირველი რესპუბლიკა (1918–1921 წწ.) / ა. ბენდიანიშვილი. თბილისი: მემატანე, 2001. 366 გვ.

გასაბჭოების დღესთან დაკავშირებით, ოკუპაციის მუზეუმში ღონისძიება გაიმართა // თაბულა. 2014. 25 თებერვალი.

გასვიანი თ. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა და აფხაზთა აგრესიული სეპარატიზმის სათავეები / თ. გასვიანი / რედ. სერგო ვარდოსანიძე. თბილისი, 2003. 227 გვ.

გელავა ს. რუსული ომის ახალი მეთოდები და მათი გავლენა საქართველოზე / ს. გელავა // თაბულა. 2014. 18 ივნისი.

გელნერი ე. ერები და ნაციონალიზმი / მთარგმნ. ნინო ცინცაძე; რედ. ივანე შატერაშვილი. თბილისი: ნეკერი, 2003. 177 გვ.

გენოციდისა და ეთნიკური წმენდის პოლიტიკა აფხაზეთში (საქართველო) – აგრესიული სეპარატიზმის მთავარი იარაღი. თბილისი, 1999. 24 გვ.

გვარიშვილი ო. ავადმოსაგონარი 1937 წელი: დოკუმენტური მოთხრობები, წერილები, სტატიები, თარგმანები / ო. გვარიშვილი. ბათუმი: აჭარა, 1998. 244 გვ.

დავითაშვილი ზ. ნაციონალიზმი და გლობალიზაცია / ზ. დავითაშვილი. თბილისი: მეცნიერთბილისი: ბა, 2003. 446 გვ.

დარჩაშვილი მ. მიხაკო წერეთელი ნაციონალიზმის ძირითადი ცნებების შესახებ / მ. დარჩაშვილი, რედ. მალხაზ მაცაბერიძე. თბილისი, 2013. 76 გვ.

დაუშვილი ა. თბილისი 1937: მასობრივი რეპრესიები თბილისის სამრეწვ. შრომით კოლექტივებში / რედ. მ. სამსონაძე. თბილისი: კეგელი, 1997. 188 გვ.

დენის მაკსუენი: საქართველოს სტალინისთვის გადაცემით დამკვიდრებულ შეცდომას ბრიტანეთი ახლა ასწორებს // თაბულა. 2012. 8 მაისი.

დღვილავა მ. საქართველო-გერმანიის ეკონომიკური თანამშრომლობა 1918 წელს / მ. დღვილავა. თბილისი, 1996. 24 გვ.

ებრალიძე ა. საქართველოს ბოლშევიკების ბრძოლა ბურჟუაზიული ნაციონალიზმის წინააღმდეგ 1917–1921 წწ. / ა. ებრალიძეთბილისი: საბჭ. საქართველო, 1965. 69 გვ.

ეთნიკურობა და ნაციონალიზმი / რედ.: დავით მუსხელიშვილი და მარიამ ჩხარტიშვილი. თბილისი: ინტელექტი, 2002. 136 გვ.

ენმ: ზაქარეიშვილის განცხადება სახიფათოა, ის იმეორებს რუსეთის შეთხზულ ლეგენდას // თაბულა. 2015. 30 ნოემბერი.

ზვიადური ი. ლიბერალური რეფორმები უნდა გაგრძელდეს / ი. ზვიადური // თაბულა. 2013. 22 მარტი.

თეორემა: ქართული პოლიტიკური კულტურა. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tv/teorema/83692-qartuli-politikuri-kultura>

თეორემა: ქართული პოლიტიკური კულტურა, 2015. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tv/teorema/83692-qartuli-politikuri-kultura>

- იდენტობა და ნაციონალიზმი / რედ. თეიმურაზ ქარელი. თბილისი: ახალი აზრი, 2009. 120 გვ.
- ისტორია, რომელიც უნდა გვახსოვდეს // თაბულა. 2010. 27 ნოემბერი
- ისტორიის ორი ტრაგიკული თარიღი // თაბულა. 2010. 26 ივლისი.
- კვანჭილაშვილი ე. ნაციონალიზმის სოციალურ ფსიქოლოგიური ასპექტების განსაზღვრისათვის სამხრეთ კავკასიაში / ე. კვანჭილაშვილი. თბილისი: წიგნის სახელოსნო, 2008. 86 გვ.
- კვერენჩილაძე რ. წამების გზა: დახვრეტა, გადასახლება, დევნა / რ. კვერენჩილაძე. თბილისი: მერანი, 1999. წ. 1. 200 გვ.
- კვინიტაძე გ. მოგონებები: საქართველოს დამოუკიდებლობის წლები, 1917–1921 / გ. კვინიტაძე. თბილისი: ლომისი, 1998. წ. 1. 280 გვ.
- კიკვიძე ზ. ენა, გენდერი და ნაციონალიზმი / ზ. კიკვიძე. თბილისი: უნივერსალი, 2010. 93 გვ.
- კირთაძე ნ. ევროპა და დამოუკიდებელი საქართველო (1919–1923წწ) / ნ. კირთაძე. თბილისი: ევროპისა და ამერიკის ს.კ.ი. 1997. 271 გვ.
- კირთაძე ნ. კაენ, სად არის ძმა შენი?! : ქართველთა ისტორიის სისხლიანი ფურცლები (1921–1930წწ) / ნ. კირთაძე. თბილისი: მერანი, 1998. წ. 1. 776 გვ.
- კირთაძე ნ. საქართველოს დამოუკიდებლობა და ქართულ-ევროპული ურთიერთობები / ნ. კირთაძე. თბილისი: საქართველო, 1997. 111 გვ.
- კუჭავა მ. ლავრენტი ბერისა და მის თანამზრახველთა სასამართლო პროცესი / მ. კუჭავა. თბილისი: ინტელექტი, 1996. 64 გვ.
- კუხალაშვილი დ. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის დაცემა და მისი მიზეზები / დ. კუხალაშვილი / რედ. ვ. ბენიძე. თბილისი: სსუს-ს აკადემია, 2003. 23 გვ.
- კუხალაშვილი დ. უცხო ქვეყნების მტრული საქმიანობა საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის წინააღმდეგ / დ. კუხალაშვილი / რედ. ვ. ბენიძე. თბილისი, 2002. 16 გვ.
- ლიპარტელიანი გ. სტალინელი / გ. ლიპარტელიანი. თბილისი: მერანი, 1990. 82 გვ.
- მგალობლიშვილი დ. 1937: რეპრესირებულის მოგონებები / მ. მგალობლიშვილი / რედ. ნ. შატაბიძე. თბილისი: მერანი, 1990. 80 გვ.
- ლომოური ნ. ძირძველი ქართული მხარის-აფხაზეთის ისტორიისათვის / ნ. ლომოური / რედ. ვალერი ასათიანი, ზურაბ პაპასქირი. თბილისი, 2008. 182 გვ.
- მეჩითოვი ი. ოკუპაციის მუზეუმი შეიძლება დარჩეს, მაგრამ სხვა სახელი ჰქონდეს / ი. მეჩითოვი // თაბულა. 2012. 13 ნოემბერი.
- მეჩითოვი ი. ოკუპაციის მუზეუმის დასახელება და არსი აბსურდია / ი. მეჩითოვი // თაბულა. 2012. 23 ნოემბერი.
- მიბრეჟანი თ. აფხაზური სეპარატიზმის სისხლიან ნაკვალევზე / თ. მიბრეჟანი / რედ. ვალერიან ზუხბაია. თბილისი: ჯისიაი, 1994. 112 გვ.
- მორისი ნ. ნაციონალიზმი და რომანტიზმი: ევროპა XIX საუკუნეში / ნ. მორისი; რედ. ხათუნა ნონიაშვილი. თბილისი: პალიტრა L, 2013. 48 გვ.
- მუჯირი ა. ბურჟუაზიული ნაციონალიზმი იმპერიალისტური რეაქციის იარაღი / ა. მუჯირი. თბილისი: ზარია ვოსტოკა, 1955. 38 გვ.
- მჭედლური დ. ლავრენტი ბერისა მთავარი დანაშაული / დ. მჭედლური / რედ. ელა გოჩიაშვილი. თბილისი: გულანი, 1992. 63 გვ.
- ნადარეიშვილი თ. სეპარატიზმის პრობლემა საქართველოში: ისტორია და თანამედროვეობა / თ. ნადარეიშვილი. თბილისი: აკადემია, 2003. წ. 1. 332 გვ.
- ომი დასასრულის გარეშე // თაბულა. 2012. 3 მარტი.
- პარლამენტის ყოფილ და ახლანდელ შენობებზე საქართველოს სახელმწიფო დროშა დაეშვა // თაბულა. 2014. 25 თებერვალი.
- პრეზიდენტი: სამშობლოს ყოველთვის მცირერიცხოვანი გმირების ბრძოლით ვიცავდით // თაბულა. 2014. 25 თებერვალი.

- პრემიერი: ვალდებული ვართ, გავუფრთხილდეთ ქვეყნის დამოუკიდებლობას // თაბულა. 2015. 26 მაისი.
- პრემიერი: საქართველოს სუვერენიტეტის შენარჩუნებისთვის ომი მოგებულა, 2016. URL: <http://www.tabula.ge/ge/verbatim/104986-premieri-saqartvelos-suverenitetis-shenarchunebistvis-omi-mogebulia>
- პრემიერი: საქართველოს სუვერენიტეტის შენარჩუნებისთვის ომი მოგებულა. URL: <http://www.tabula.ge/ge/verbatim/104986-premieri-saqartvelos-suverenitetis-shenarchunebistvis-omi-mogebulia>
- ჟვანია გ. ევროპა და საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის მთავრობა (1917–1925 წ.წ.) / გ. ჟვანია / რედ. იგორ კვესელავა. თბილისი: სამშობლო, 1998. 153 გვ.
- ჟვანია გ. როგორ მზადდებოდა საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის ოკუპაცია: დოკუმენტები / გ. ჟვანია. თბილისი: სამშობლო, 1992. 77 გვ.
- ჟორდანია ნ. ჩემი წარსული: მოგონებანი / ნ. ჟორდანია. თბილისი: სარანგი, 1990. 136 გვ.
- რამიშვილი ა. ჩვენი შეცდომები, 1918–1921 / ა. რამიშვილი. თბილისი: მესამე ასაკი, 2000. 129 გვ.
- რწმენა და ცრურწმენა. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tablog/102717-rtsmena-da-crurtsmena>
- რწმენა და ცრურწმენა 2015. URL: <http://www.tabula.ge/ge/tablog/102717-rtsmena-da-crurtsmena>
- საბჭოთა ოკუპაციის მუზეუმი: საბჭოთა ოკუპაციის საგამოფენო დარბაზი მუზეუმის მესამე სართულზე მდებარეობს (2012). URL: http://museum.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=69&info_id=1146
- საბჭოთა ოკუპაციის მუზეუმი: საბჭოთა ოკუპაციის საგამოფენო დარბაზი მუზეუმის მესამე სართულზე მდებარეობს. URL: http://museum.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=69&info_id=1146
- საქართველო 1920-იანი წლების უცხოურ პრესაში // თაბულა. 2010. 1 აგვისტო.
- საქართველოს ეროვნულ მუზეუმი საბჭოთა ოკუპაციის ამსახველი გამოფენა 2006 წლის 26 მაისს გაიხსნა... URL: http://museum.ge/?lang_id=GEOENG&sec_id=53
- საქართველოს პარლამენტის დადაინილობ. «საქართველოს საბჭოთა ოკუპაციის შესახებ» 21/07/2010. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1020464>
- საქართველოს პარლამენტის დადაინილობ. «საქართველოს საბჭოთა ოკუპაციის შესახებ». URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/1020464>
- საქართველოსთვის წართმეული დემოკრატია // თაბულა. 2010. 31 მაისი.
- საქართველოში 1921 წლის კონსტიტუციის მიღების დღეს აღნიშნავენ // თაბულა. 2014. 21 თებერვალი.
- სმითი ე. ნაციონალიზმი: თეორია, იდეოლოგია, ისტორია / ე. სმითი / თარგმ. ინგლისურიდან მარიამ ჩხარტიშვილისა; რედ. რუსუდან ამირეჯიბი-მალენი. თბილისი: არტანუჯი, 2004. 241 გვ.
- სონლულაშვილი ნ. ქართული ერთობა და მისი იდენტობა XX საუკუნის პირველ ოცწლეულში პრესის მასალების მიხედვით: ჟურნალი "მოგზაური", გაზეთები "თემი" და "საქართველო" / ნ. სონლულაშვილი / რედ. მარიამ ჩხარტიშვილი. თბილისი: უნივერსალი. 2010. 144 გვ.
- ტერორის ტოპოგრაფია: საბჭოთა თბილისი / რედ. ნინო ლეჟავა, ლაშა ბაქრაძე. თბილისი, 2011. 184 გვ.
- ურუმაძე ლ. ერის რაობისა და ერთა თვითგამორკვევის შესახებ / რედ. გიული ალასანია. თბილისი: ენა და კულტურა, 2005. 40 გვ.
- ურუმაძე ლ. ბოლშევიზმ-მენშევიზმი და საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკა (1918–1921) / ლ. ურუმაძე. თბილისი: განათლება, 1991. 51 გვ.
- ქართველი ერის დაბადება / რედ. გიგა ზედანია. თბილისი, 2009. 158 გვ.
- ყენია ი. შიშის აჩრდილქვეშ 1937: მოგონებები / ი. ყენია / რედ. მანანა სანადირაძე. თბილისი: მერანი, 1990. 175 გვ.

- შარაძე გ. საქართველოს პირველი დემოკრატიული რესპუბლიკა და საგარეო პოლიტიკა / გ. შარაძე / რედ. კახა სიხარულიძე. თბილისი, 2003. 284 გვ.
- შონია ვ. ბორტების სათავე, ანუ როგორ შეითხნეს "მეგრელთა საქმე" / ვ. შონია / რედ. ზურაბ ცხონდია. თბილისი, 1994. 114 გვ.
- ჩხაიძე ი. ნაციონალიზმის მოდერნისტული თეორია და ქართული ნაციონალური პროექტი ("თერგდალეულები") / ი. ჩხაიძე / რედ. ნინო ჩიქოვანი. თბილისი: ახალი აზრი, 2009. 128 გვ.
- ჩხეიძე რ. დაწყველილი თაობა / რ. ჩხეიძე / რედ. ოთარ ჩხეიძე. თბილისი: ლომისი, 1995. 160 გვ.
- ჭანტურია ნ. ეროვნული საბჭო და მისი ბრძოლა საქართველოს სახელმწიფოებრიობის აღდგენისა და განმტკიცებისათვის / ნ. ჭანტურია / რედ. ვახტანგ ჯანჯღავა. თბილისი: უნივერსალი, 2006. 182 გვ.
- ხარჩილავა ვ. სისხლიანი ქრონიკები / ვ. ხარჩილავა. თბილისი: მერანი, 1989. 160 გვ.
- ხიდაშელი: ყოველ 26 მაისს ყველანი ერთად ვეტყვიან არას ოკუპაციას. URL: <http://www.tabula.ge/ge/verbatim/108090-xidasheli-kovel-26-maiss-kvelani-ertad-vetkvit-aras-okupacias>
- ჰეგტერი მ. ნაციონალიზმის შეჩერება / მ. ჰეგტერი. თბილისი: CSS, 2007. 370 გვ.
- ჰობსბაუმი ე. ერები და ნაციონალიზმი 1780 წლიდან: პროგრამა, მითი, რეალობა / ე. ჰობსბაუმი / მთარგმნ. სანდრო გაბისონია; რედ. ლიანა გოგიჩაიშვილი. თბილისი: ილიას სახელმწ. უნ-ტი, 2012. 262 გვ.

REFERENCES

- Aýtýtéi Ÿ., Rei L. Madernasts', pamyats' i postkamunizm // Palitychnaya sfera. 2006. № 6. S. 27–43.
- Europeiskie voiny pamyati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zaplatit. Chto takoe «istoricheskaya politika» i chem opasno prevrashchenie istorii v politicheskii instrument // Novaya gazeta. 2015. № 57. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/68655.html>
- Kas'yanov G. Golodomor i stroitel'stvo natsii // Pro et contra. 2009. Mai – avgust. S. 24–42.
- Kigradze T. Gruzija: kak pishut uchebniki istorii (2013). URL: http://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131028_history_textbook_georgia
- Kirchanov M.V. «Evropa» i «Zapad» v gruzinskom politicheskom voobrazhenii i natsionalisticheskom diskurse // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. Zhurnal sotsial'no-politicheskikh issledovani. 2010. T. 13. № 2. S. 179–189.
- Kirchanov M.V. «Kavkazskoe» i «rossiiskoe» v sovremennom gruzinskom natsiona-lizme // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2013. № 4. S. 115–125.
- Kirchanov M.V. Kontsept «sovetskaya okkupatsiya» v sovremennom gruzinskom natsionalizme // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2015. № 1. Chast' 1. S. 72–75.
- Kirchanov M.V. Migel' Krasnoff Marchenko kak ob'ekt chiliiskoi istoricheskoi politiki i konteksty politiki pamyati // Politicheskie izmeneniya v Latinskoi Amerike. 2016. № 3 (21). S. 87–96.
- Kirchanov M.V. Obrazy Gruzinskoj Demokrateskoj Respubliki v sovremennoi identichnosti Gruzii (na primere blogov i elektronnykh SMI) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 4. Chast' 1. S. 90–92.
- Kirchanov M.V. Priruchenie proshlogo: istoricheskaya politika i politika pamyati (evropeiskii istoriograficheskii opyt i latinoamerikanskije konteksty) // Politicheskie izmeneniya v Latinskoi Amerike. 2016. № 3 (21). S. 73–86.
- Kirchanov M.V. Religioznye partii v Gruzii: politicheskie platformy i ideolo-gicheskie transformatsii // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2014. № 2. S. 106–112.
- Kirchanov M.V. Tserkov' v politicheskoi zhizni Gruzii: problemy, protivorechiya, perspektivy // Kavkaz i globalizatsiya. Zhurnal sotsial'no-politicheskikh i ekon-omicheskikh issledovani. 2014. № 1–2. S. 94–100.

- Kogut Z.C. Istoriya yak pole bitvi. Rosiis'ko-ukraïns'ki vidnosini ta istorichna svi-domist' u suchasniï Ukraïni // Kogut Z.C. Korinnyya identichnosti. Studii v rann'o-modernoï ta modernoï istorii Ukraïni. Kiïv, 2004.
- Kusko A., Taki V. «Kto my?» Istoricheskii vybor: rumynskaya natsiya ili moldav-skaya gosudarstvennost' // *An Imperio*. 2003. № 1. S. 485–495.
- Laryuel' M., Peiruz S. Russkie na Altae: istoricheskaya pamyat' i natsional'noe samozoznanie v Kazakhstane // *Ab Imperio*. 2004. No 1.
- Lindner R. Nyazmennasts' i zmeny ŷ postsavetskai gistoryyagrafii Belarusi // *Belarusika / Albaruthenica*. Mn., 1997. T. 6. Ch. 1.
- Miller A. «Istoricheskaya politika unichtozhaet prostranstvo dlya dialoga» (2014). URL: <http://ru.delfi.lt/opinions/comments/amiller-istoricheskaya-politika-unichtozhaet-prostranstvo-dlya-dialoga>
- Miller A. Vyzov iz proshlogo // *Rossiya v global'noi politike*. 2011. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>
- Miller A. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati. «Sek'yuritizatsiya pamyati»: istoricheskaya vina v rukakh politicheskikh antreprenеров (2016). URL: <http://gefter.ru/archive/18391>
- Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya // *Pro et contra*. 2009. Mai – avgust. S. 6–23.
- Mikhnik A. Istoricheskaya politika: rossiiskii variant // *Rodina*. 2006. № 6. URL: http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1906&n=99
- Riff D. Kul't pamyati: kogda ot istorii bol'she vreda, chem pol'zy. «dzlishnyaya zatsiklennost' na pamyati»: o pol'ze i vrede zabveniya (2016). URL: <http://gefter.ru/archive/17958>
- Smit E.D. Natsionalizm i istoriki // *Natsii i natsionalizm / per. s angl. M.*, 2002.
- Traba R. Pol'skie spory ob istorii // *Pro et contra*. 2009. Mai – avgust. S. 43–64.
- Usmanova D. Sozdavaya natsional'nyuy istoriyu tatar: istoriograficheskie i intelektual'nye debaty na rubezhe vekov // *Ab Imperio*. 2003. No 3.
- Sherrer Yu. Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo // *Pro et contra*. 2009. Mai – avgust. S. 89–108.
- Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 531–560.
- Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No. 1. P. 41–58.
- Friedman J. Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. VII. P. 194–210.
- Kirchanov M. “Europe” and “the West” in Georgia’s political imagination and nationalist discourse // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 158–167.
- Kirchanov M. Religious parties in Georgia: political platforms and ideological transformations // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2014. Vol. 15. No. 2. P. 94–100.
- Kirchanov M. The Caucasian and Russian in contemporary Georgian nationalism // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 101–109.
- Kirchanov M. The Church in Georgia’s political life: problems, contradictions, and prospects // *The Caucasus and Globalization. Journal of Social, Political and Economic Studies*. 2014. Vol. 8. No. 1–2. P. 85–90.
- Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka’s Belarus // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4.
- Thomson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals *Frontiers // Encounter*. 1968. Vol. 30. No. 6.

“Vergangenheitspolitik” in contemporary Georgia, or how mass media and public politicians form collective representations of the past

The author analyzes problems of historical politics in present-day Georgia. It is presumed that historical politics promotes exclusion of professional historical community, politicization and ideologization of historical studies. Modern historical politics in Georgia is based on development of several mythologized narratives, including images of Georgian Democratic Republic, continuity in development of various historical forms of Georgian statehood, and the Soviet occupation. The Day of Soviet Occupation and Museum of Soviet occupation, on the one hand, in modern Georgia are forms of instrumentalization of historical politics. On the other hand, the Day of Soviet Occupation and Museum of Soviet Occupation can be imagined as the invented traditions. Georgian mass media are actively involved in the implementation of the historical politics and assist to unification of the various forms of historical memory in contemporary Georgia. Public political figures are also very active in the use of historical facts for legitimization of actual political processes and states. The mass media, civil society, intellectual community and political class support consensus in the central problems of modern Georgian history.

Keywords: Georgia, historiography, historical policy, identity, invention of tradition

Maksym Kyrchanoff, *Dr.Sc. (History), Associate Professor, Voronezh State University; maksymkyrchanoff@gmail.com*